Нас. советских детей, книги о Великой рованной территории. В меру сил они борются Отечественной войне сопровождали с самого с гитлеровцами. раннего возраста. Помню, были такие серии — Книга в то время поразила меня отсут-«Мои первые книжки» и «Читаем сами», и в них ствием пафоса, свойственного произ-«Орлович-Воронович» Михаила Алексеева. ведениям о Великой Отечественной. «Главное войско» Льва Кассиля. «Землянка» Наши — не бесстрашные сорвиголовы, и гитле-Анатолия Митяева, кажется, предельно сокраровцы — не звери. Но война чувствовалась шенный вариант «Сына полка» Валентина в каждой строке. Хотя и не та война, о которой Натаева я тогда читал у других писателей. Потом, в шноле, обязательным было чтение Немного позже произошло знакомство биографий пионеров-героев, «Четвертой с повестями Василя Быкова, и особенно высоты» о Гуле Королевой. «Обелиск» произвел на меня огромное впечат-Нниг и книжек было много, они были разные, ление. Впрочем, не ошеломительное — я был разной степени художественности и достоподготовлен к этой сложной истории книгой верности. Многие, как я понял позже, писались Владимира Ляленнова «Ожидание лета». людьми, не прошедшими войну, создавались Наверное, сегодняшним молодым сложно по принципу «чем героичней, тем лучше». представить, что к людям, находившимся в оккупации, и в 1980-х отношение было если и не Лет в десять-одиннадцать мне попалась довольно толстая для меня тогдашнего книга враждебное, то настороженное. под совсем не героичным названием «Ожидание Потрясением для нас, пацанов, стал фильм лета». Но на обложке были изображены трое о детстве Юрия Гагарина — мы долго обсуподростнов, выглядывающих из оврага, а сразу ждали, спорили, правильно ли, что его отпрапод ней — они же, но уже с винтовнами вили в носмос первым, ведь он вместе с родителями жил при фашистах. Мы считали, что и немецким автоматом. Конечно, я стал читать. нужно было хватать топоры, вилы и бросаться Героями оназались мои тогдашние сверстна врага... ники, может, чуть старше, - ребята лет двена-Помню, анкета призывника, которую я заполнял во время перестройни, спустя четыре дцати-пятнадцати, которые живут на оккупиПотрясением для нас, пацанов, стал фильм о детстве Юрия Гагарина — мы долго обсуждали, спорили, правильно ли, что его отправили в космос первым, ведь он вместе с родителями жил при фашистах. Мы считали, что нужно было хватать топоры, вилы и бросаться на врага...

десятилетия после Победы, содержала пункт «Были ли Вы или Ваши ближайшие родственники в плену или интернированы в период Отечественной войны, где, когда, при каких обстоятельствах освобождены». И я, перед тем как ответить, расспрашивал родителей, что там с нашими родственниками.

Честно говоря, до сих пор мне сложно представить людей в окнупации. Умом-то я понимаю, что они были разные, по-разному себя вели. Были и полицаи, которые помогали партизанам, были и партизаны, сотрудничавшие с немцами. Но поставить себя на место хоть кого-то у меня не получается. Становится страшно и мучительно...

Позже я узнал, что автор «Ожидания лета» Владимир Ляленков, как и его герои, подростном оказался «под немцем», и значит, книга во многом автобиографична. Отсюда наверняка и ее достоверность, почти документальность.

Больше ничего я у Ляленнова не читал, к «Ожиданию лета» не возвращался. Наверное, потому, что боюсь разрушить то свое давнее впечатление от нее. Впечатление от отнрытия новой грани войны. Не менее тяжелой, чем отступления, атаки, сражения.